

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Г.С. ЛИСИЧКИН

Аграрный сектор – ключ к выходу России из кризиса

Автор анализирует ситуацию в отечественном сельском хозяйстве на протяжении почти века. Он полагает, что ключ к возрождению страны – в предоставлении крестьянину возможности стать подлинным хозяином своего труда на принадлежащей ему земле.

Ключевые слова: сельское хозяйство, крестьянство, фермеры, частичный труд, свободный труд.

The author analyzes a situation in domestic agriculture throughout almost the century. He believes that the key to country revival is in granting to the peasant of possibility to become the original owner of the work on the earth belonging to him.

Keywords: agriculture, peasantry, farmers, partial work, free work.

Как всем известно, сегодня мы живем, в основном, за счет продажи нефти, древесины, золота... То есть за счет промышленного сырья. Следовательно, надо добывать его еще больше и торговать им еще шире. Вот для этого и строятся “северный”, “южный”, “восточный” газовые потоки в надежде на все новые и новые долларовые доходы. И так думают не только власти, затеявшие это строительство, но и “послушный им народ”.

Однако такой оптимизм сродни тому, которым мы жили накануне Второй мировой войны. Тогда тоже казалось, что “броня крепка и танки наши быстры” и что “на вражьей стороне мы врага разобьем”, потому что у нас и людей много, и сырья завались. Не вышло! Имея вдвое больше самолетов, чем Германия, подавляющее превосходство в количестве танков (свыше 22 тыс. против 3582, противостоящих нашему фронту) и армию в 5,4 млн человек, то есть будучи несопоставимо *технически сильнее* противника, Россия в 1941 г. в одночасье была разгромлена и вынуждена была отстаивать свое существование “на полях ближнего Подмосковья”, на Волге у Сталинграда, и даже на Кавказе. Мало иметь преимущества в технических ресурсах, надо, оказывается, уметь ими грамотно, разумно пользоваться.

При имеющихся у нас природных богатствах мозг автоматически отключается от поисков методов экономного их расходования, исчезает тревога о завтрашнем дне. Рождается настроение, что природных ресурсов на наш век хватит, а после нас – хоть потоп, что цены на сырье еще долго будут монопольно высокими, а его потребители вечно будут стоять у наших ворот с протянутой рукой и соглашаться на любой наш каприз. Но уже сейчас очевидно, что все это далеко не так. Запасы нефти, газа далеко не так безграничны, как кажется. Специалисты утверждают – хорошо, если их

хватит на 100 лет, да и добывать их придется во все более сложных условиях при астрономических затратах. Будут ли эти затраты окупаться мировыми ценами? Вряд ли, поскольку огромный научный потенциал Запада брошен сейчас на открытие новых, нетрадиционных видов энергоносителей. Наблюдая неимоверные успехи в развитии науки, можно не сомневаться, что мы находимся накануне потрясающих открытий в этой области. И тогда мы со своей нефтью, газом, углем... будем напоминать магазины типа “секонд хенд”. Если, не дай бог, так случится, нам опять придется пережить 1941 год. И еще неизвестно, удастся ли вообще выжить, ведь многие цивилизации погибли, достигнув высот своего развития, но не сумев справиться с новыми вызовами. Вот тут спасение может прийти с самой неожиданной стороны. Я имею в виду цивилизованное освоение такого *уникального энергоресурса*, каковым является земля, то есть сельское и лесное хозяйство. Уникальность энергетического агресурса состоит в том, что при правильном использовании он неисчерпаем. Это тот самый *perpetum mobile*, о котором веками мечтало человечество, упорно не замечая его.

Энергетический агресурс, как и любой другой ресурс этого рода, ценен не сам по себе, а своей полезностью для человека. А что может быть полезнее, чем производство в достатке продовольствия? Эту истину могут подтвердить и жертвы сталинского голодомора, и блокадники Ленинграда, и миллиарды тех, кто сегодня живут в странах “третьего мира”. Даже сейчас, в условиях относительного благополучия, Россия страдает прежде всего от недооценки значения агресурса для всей экономики.

Нынешний рост безработицы – следствие катастрофической запущенности инфраструктуры села, способного дать миллионы полезных человечеству рабочих мест. Темпы роста инфляции в стране наполовину зависят от цен на продовольствие. В 2008 г. на закупку на Западе продовольствия сомнительного качества Россия израсходовала более 27 млрд долларов. Это только часть того экономического ущерба, который несет страна из-за разрухи в сельском хозяйстве. С возрождением села, а не с ожиданием расцвета мировой экономики я связываю *начало* преодоления в России глобального кризиса, то есть вижу тут то самое звено, с помощью которого удастся вытянуть всю цепь.

Уникальность аграрного ресурса состоит еще и в том, что его грамотное использование во многом определяет и характер общественной атмосферы. На это в свое время обращал внимание Ф. Достоевский. Размышляя о судьбах России, он писал: “...и порядок, и законы, и нравственность, и даже сам ум наций, и, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение. То же самое можно сказать и о характере землевладения: будь характер аристократический, будь демократический, но какой характер земледелия, таков и характер нации” [Достоевский, 1989, с. 435]. Советский характер земледелия (землевладения) определяет, как видим, тот характер нашей нынешней нации, который так угнетает и нас самих, и наших соседей. Люди бегут от земли в города, где анонимность человеческих отношений способствует активизации самых отвратительных качеств.

Тупиковый путь развития

Многие считают, что все беды нашего сельского хозяйства оттого, что в советские времена партия и правительство уделяли слишком мало внимания решению его проблем. Это неверно. Сразу после смерти И. Сталина и Г. Маленкова, и Н. Хрущев, и Л. Брежнев из последних сил пытались исправить критическое положение в этой области. Чуть ли не каждый год проводились пленумы ЦК КПСС, намечавшие очередные пожарные меры по спасению села от разорения. Казалось, было испробовано все, что только можно было придумать: и механизация, и электрификация, и химизация, и мелиорация, и кукуруза с травополкой... И даже гидропоника, которая так поразила Хрущева во время его визита на Кубу, что пришлось и ее испробовать в наших северных широтах.

Не было недостатка и в управленческих инициативах: укрупнение колхозов; истребление “неперспективных сел”; совхозизация колхозов; даже разделение сельских и городских обкомов КПСС. На все эти затеи не жалели денег. За пять лет освоения целины туда было вложено 37,4 млрд рублей, обеспеченных новейшей техникой. Про-

изводственные фонды колхозов, совхозов, МТС выросли на 30 млрд рублей. В результате мы обогнали США по выпуску тракторов в 6,4 раза, а по зерноуборочным комбайнам аж в 16 раз (!). Чтобы произвести столько комбайнов, сколько стояло в хозяйствах неисправленными, Америке пришлось бы работать 70 лет [Лацис, 1995, с. 86]. Только в 1990 г. за счет повышения закупочных цен, списания долгов с колхозов и совхозов, дотаций и т.п. аграрный комплекс получил около 100 млрд рублей [Наше... 1991, т. 2, с. 557]. А сколько денег тем временем закопали в мелиорацию, никто даже не знает!

Но обнаружилась странная закономерность: чем больше вкладывали средств в сельское производство, чем больше совершенствовалось управление им, тем острее становился продовольственный кризис. В сельское хозяйство направили целую армию специалистов, чтобы все “сделать по науке”. Последним всплеском деловой активности коммунистов по наведению порядка в отрасли стала Продовольственная программа на период до 1990 г., принятая на майском Пленуме ЦК КПСС в 1982 г., но и она, как известно, с треском провалилась. Почти 40 млн га сельхозугодий выпали из оборота, более 20 тыс. сел и деревень исчезли за годы реформ с карты страны¹. Н. Некрасов убивался в свое время, увидев одну “несжатую полоску”. Теперь эта “полоска” стала размером с территорию нескольких европейских государств, а “пахарей” для ее обработки нет. Поэтому почти половину продуктов приходится покупать у малоземельных иностранцев. Это в среднем по стране, а в крупных городах на долю импорта приходится свыше 70%. Не хочется думать, какой же хаос может возникнуть, если “продовольственная труба” с Запада окажется по тем или иным причинам закрытой.

Поскольку после Сталина для реанимации сельского хозяйства были испробованы, казалось бы, все средства, от отчаяния власти заговорили о том, что наше сельское хозяйство – “черная дыра” и что не надо в эту дыру бросать средства: все равно толку не будет. И от слов они тут же перешли к делу. По словам Г. Зюганова, “средства, направляемые на поддержку аграрного сектора, в 10 раз меньше того, что выделялось во времена СССР” (“Правда” 31 марта–1 апреля 2009 г.). Но ни Зюганов, ни его нынешние оппоненты до сих пор не ответили на главный вопрос: а почему же при большевиках и их нынешних наследниках деньги на селе не работают? Сначала в этом винили кулаков и подкулачников, но когда их истребили, дела пошли еще хуже. Тогда взялись за колхозников, которым честно трудиться в общественном секторе мешало, казалось бы, их личное подсобное хозяйство. При Хрущеве началась кампания по урезанию приусадебных участков, служивших единственным средством выживания людей.

Лидеры таких кампаний не были одиночными авантюристами в структуре советской власти. Они руководствовались не только карьерными соображениями, но и той порочной идеологией, которую вбили им в голову изобретатели советского коммунизма. Поэтому они делали то, что не могли понять “осчастливливаемые” ими люди. В те годы мне довелось работать в авторитетной тогда газете “Известия”. Вспоминаю, как шли в редакцию с разных концов страны сотни и тысячи писем, в которых многодетные матери слезно вопрошали: как же им жить, если уничтожают их жалкий единственный источник существования? Но власти продолжали рубить сук, на котором держалось село.

Среди нормальных людей, в нормальных условиях существует правило: если упал самолет – ищи “черный ящик”, чтобы понять причину трагедии; если возникла эпидемия – ищи причину ее возникновения; если наводнение смыло посевы – проверь дамбу, чтобы этого не повторилось. И есть только одна отрасль производства, где регулярные неудачи не анализируются, где не принято вести “разбор полетов” и все списывается или на погоду, или на “человеческий фактор”.

Тем не менее “черная дыра” в сельском хозяйстве действительно существует, и все видят, как крупные инвестиции “пролетают” здесь без пользы. Казалось бы, путинский национальный проект развития АПК должен был начинаться с поиска ответов на вопрос, как эту “трубу” отремонтировать. Но и на этот раз все работы начинаются “с чистого лица”. Поэтому нас опять ждут неудачи.

¹ Это плюс к тому, что в 1930–1940-х гг. уже было уничтожено 816 тыс. хуторов. “Зачистка” страны от крестьян, как видим, продолжается и в наши дни.

“Черная дыра” и ее обслуга

О “черной дыре” заговорили в годы ельцинских реформ. Но возникла она намного раньше, на заре советской власти, и с тех пор катастрофически расширяется, грозя втянуть и уничтожить все живое. Ее теоретическим автором и неумолимым конструктором был, несомненно, Сталин. В 1929 г. он опубликовал работу “К вопросам аграрной политики в СССР”, в которой разгромил теорию “устойчивости” мелкокрестьянского хозяйства. Сталин умело доказывал, что и в промышленности, и в сельском хозяйстве крупное хозяйство эффективнее мелкого. С этим спорить не приходится. Но что такое “крупное” и что такое “мелкое” хозяйство? Ясно, что если в “мелкое” по размерам угодий хозяйство вложить в каждый гектар больше, чем в “крупное”, то “мелкое” окажется эффективнее, то есть “устойчивее”. Если для “Мерседеса” у вас есть возможность купить столько бензина, сколько хватило бы для заправки малолитражки, то нормальный человек предпочтет поехать на малолитражке и быстро доберется до своей цели, а дурак вскоре встанет на своем “Мерседесе” на обочине в грязи на потеху всем проезжающим мимо. Логика Сталина была аналогична логике хозяина “Мерседеса”, не имеющего достаточно денег на бензин, но с этих позиций он громил “антинаучные теории” советских “экономистов типа Чаяновых”. После таких оценок вождя судьба настоящих ученых была предрешена.

Уже в 1930 г. был арестован директор Института сельского хозяйства, всемирно известный ученый А. Чаянов. Вслед за ним был арестован видный экономист-аграрник Н. Кондратьев – профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии. За ним – директор Конъюнктурного института Л. Юровский, Н. Макаров – профессор, член Президиума Земплана Наркомзема, профессора А. Челинцев, Л. Литошенко, Л. Кафенгауз и др. Затем очередь дошла и до крестьян, чьи хозяйства были объявлены “неустойчивыми”, то есть подлежащими уничтожению.

Как видим, деяния ретивых партийных деятелей времен Хрущева и Брежнева, о чем сказано выше, не такое уж и самодурство, а демонстрация верности учению Сталина о бесперспективности и вредности крестьянских хозяйств. О живучести теоретических основ сталинской аграрной политики необходимо говорить потому, что они оставались в основе хозяйственной практики при Н. Хрущеве, Л. Брежневе, М. Горбачеве, Б. Ельцине и с меньшей последовательностью, но большим эклектизмом при В. Путине. Сталин пока заклеял только за террор, но как теоретик индустриализации и коллективизации превозносится по сей день и властями, и теми, кто им подпевают. Как будто сталинский социализм возможен без террора! Любая утопия при своей реализации опирается на насилие, поскольку противоречит логике жизни.

Сталинская аграрная политика была бы невозможна без одобрения ее миллионами так называемых “простых людей”. Философ-диссидент А. Зиновьев писал: “Вы и вправду верите в легенду о добром русском народе, испорченном коммунизмом? И тем и другим стоило бы вспомнить, что – нравится или не нравится – русский народ показал себя не один раз. Сталинские репрессии были произведены народом. И коллективизация тоже. И индустриализация, и потери в войне. И брежневский застой были проведены народом, как и реформаторская лихорадка. И бессмысленный бунт – тоже дело рук народа” [Зиновьев, 1993, с. 95]. К сожалению, Зиновьев только частично прав в своих оценках. Он, что не позволено философу, ставит знак равенства между понятиями “чернь” и народ. А русский народ, обливаясь кровью, противостоял “черни” и в Кронштадте, и в Тамбове, и во время Отечественной войны, и в период брежневского застоя. Да и сам Зиновьев, как и вся порода подобных людей, – не отщепенец, а представитель наиболее здоровой части того, что называется народ.

Народ – не пай-мальчик. В его сложном организме есть место для добра и зла. Вопрос лишь в том, на какой струне играет власть, на кого делает ставку в своей внутренней и внешней политике. Е. Евтушенко в одном из своих ранних стихотворений так сказал по этому поводу: “О, большинство, о, большинство. / Ты часто так не право было. / Ты разлевало, ты губило. / И ты совсем не божество. / Еще за все мы не спросили. / Не близки эти времена. / Но в слове большинства – бессилие. / И сила в слове

меньшинства”. В этом смысле Сталин и его наследники – большие “демократы”, поскольку в аграрной политике они сделали ставку на люмпенизированное большинство.

Размышляя о судьбах крестьян, надо уточнить содержание самого понятия “народ”. Ведь если верить привычному в советские времена утверждению, что “народ и партия едины”, то непонятно, как же этот “народ” допустил такое издевательство над крестьянами – одной из главных частей народа. Вот что пишет по этому поводу Н. Бердяев: “Демократия признает суверенным и самодержавным народ, но народ она не знает, в демократиях нет народа. То оторванное человеческое поколение очень краткого отрывка исторического времени, исключительно современное поколение, даже не все оно, а какая-то часть его, возомнившая себя вершительницей исторических судеб, не может быть названа народом. Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы, и деды наши. Воля русского народа, который через Владимира Святого принял христианство, который собирал Россию при великих князьях московских, который нашел выход из Смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников и чтит их, создавал великое государство и культуру, великую русскую литературу. Это не есть воля нашего поколения, оторвавшегося от поколений предыдущих. Самоуверждение и самоутверждение современного поколения, превозношение его над умершими отцами и есть коренная ложь демократии. Это есть разрыв прошлого, настоящего и будущего, отрицание вечности, поколение истребляющему потоку времени. В определении судеб России должен быть услышан голос всего русского народа, всех его поколений, а не только поколения живущего. И потому в волю народа, в общую волю, органическую волю входят историческое предание и традиция, историческая память о поколениях, отошедших в вечность. Демократия не хочет этого знать, а потому она не знает воли народа, а знает лишь механическое суммирование воли ничтожной кучки современников” [Бердяев, 1991, с. 66].

Чтобы не скатиться к фашизму, не народ надо клеймить и презирать за те или иные исторические ошибки, а тех, кто стоят за его спиной, натравливая на черные дела в свою пользу. Попытки свалить всю вину за развал сельского хозяйства лишь на Сталина и его подручных очень опасны, поскольку оставляют в тени тех, кто и по сей день продолжают тем же способом уничтожать Россию. О такого рода людях в свое время говорил И. Ильин, называя их “полуинтеллигентами”: «Полуинтеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим “умственной словесностью”. В сущности, он не знает и не умеет ничего, но отнюдь не знает, где кончается его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но застрашивает себя и других чужими, штампованными формулами; а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельно, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира как Предмета совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается с плеча и апломбом. Главный орган его – это чувственное восприятие, отработанное плоским рассудком. Духа он не ведает, над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него “понятие относительное”, зато он верит в технику (курсив мой. – Г.Л.), в силу лжи и интриги, в полезность порока». Полуинтеллигент, продолжает Ильин, не знает о своей полуинтеллигентности. “Он обижен ею, он не прощает ее другим, он завидует, мстит и добивается во всем первенства; он ненасытно честолюбив и властолюбив. И легко усваивает и практикует играть на чужой, на массовой зависти” [Ильин, 1993, с. 18].

Только “полуинтеллигенты” (А. Солженицын их называл “образованцы”) могли “с плеча и с апломбом” громить теорию “устойчивости крестьянских хозяйств”, не обращая внимания на результаты деятельности крестьянских хозяйств в России и за рубежом. А ведь уже при П. Столыпине такие хозяйства, получив нормальные условия существования в Сибири, немедленно продемонстрировали свою эффективность. Начиная с 1906 г. население Сибири увеличивалось на полмиллиона человек в год. Валовой сбор зерна повысился со 174 млн пудов в год до 287. Чтобы оградить помещиков центральных губерний от конкуренции свободных землевладельцев Сибири, в

Челябинске даже вынуждены были установить таможенный барьер. В огромных количествах из Сибири пошло за границу масло.

Даже в наши дни в приусадебных хозяйствах (4 млн хозяйств), как показала сельскохозяйственная перепись 2006 г., производится около 40% молока; 60% говядины и свинины; более 90% картофеля, овощей и плодов. Что было бы с Россией, если бы она пошла не сталинским путем в сельском хозяйстве, а тем, что предлагали Чайнов и его коллеги, я смог представить себе во время одной из командировок в Индию.

Здесь существуют 90 млн крестьянских семей (у нас их было 25). Правительство, не будучи знакомым с гениальным учением Сталина, не стало их уничтожать, а органично включило в творческое содружество с научными организациями, промышленностью и сферой услуг. Индийский совет по сельскохозяйственным исследованиям был реорганизован и укреплен 63 специализированными бюро и институтами, а также 26 сельскохозяйственными университетами. Все они занимаются разработкой экономически эффективных технологий для 127 агроклиматических зон. Для обучения фермеров передовым технологиям были созданы 89 крестьянских общественных школ, а также 9 центров повышения квалификации преподавателей для этих школ. Ежегодно проводятся технологические конференции по основным сельскохозяйственным культурам. Передача технологий фермерам осуществляется через “систему обучения посредством посещений”, то есть на полях и фермах с упором на распространение профессиональных навыков. В результате производство зерновых в так называемых “неустойчивых” хозяйствах выросло с 50,8 млн *t* в 1950 г. до 144 млн *t* в 1986 г. Средняя урожайность риса за это время выросла с 668 *кг* до 1600 *кг/га*, а пшеницы – с 663 до 2100 *кг/га*.

Чтобы обеспечить надежный рынок, в 1985 г. была образована Комиссия по сельскохозяйственным ценам. Она рекомендовала правительству установить для 19 различных культур фермерские цены на уровне, обеспечивающем прибыль фермерам и приемлемым для потребителей. Кооперация обеспечивает закупки у фермеров всей предлагаемой продукции по объявленным ценам. И все это позволило стране после завоевания независимости достичь самообеспеченности зерном с более чем 30 млн *t* переходящих запасов, что позволяет предотвратить вспышки голода в случае засухи. А ведь Индия совсем недавно была одной из самых неблагополучных стран, где от голода ежегодно умирали несколько миллионов человек. И чтобы избежать таких трагедий, совсем не обязательно, оказывается, уничтожать крестьян, сгонять их в колхозы, а надо просто *помочь им самим себя накормить*. Но для этого нужны не только тракторы, комбайны, удобрения, а в первую очередь – гуманная философия Ганди, а не сталинская людоедская философия и практика насильного осчастливливания народа.

К сожалению, у нас пока обнадеживающих симптомов не заметно. Если ни экономисты со своими инвестициями, ни агрономы и зоотехники под контролем “полунинтеллигентов” не способны устранить “черную дыру” в сельском хозяйстве, тогда кто же?

Почему наш пастух не стал ковбоем

К. Маркс в своих исследованиях использовал не только такие абстракции, как “класс”, “формации” и т.п., но порой прибегал к бытовым сравнениям, чтобы сделать понятнее очень сложные вещи. Стоимость, например, он сравнивал с мадам Квикли, но предупреждал, что ее нельзя ущипнуть. И для Робинзона Крузо у него находилось место, чтобы с его помощью объяснить общественные процессы. Поэтому и я воспользуюсь тем же приемом и попытаюсь от бытовых зарисовок перейти к политэкономическим обобщениям. На роль Робинзона я выбрал нашего пастуха и его американского коллегу – ковбоя.

И тот и другой занимаются одним и тем же – выращивают скот. Но результаты их труда несопоставимы. Ковбой трудится в несколько раз продуктивнее нашего пастуха. Почему? Климат в Америке лучше? Вряд ли. Одни регулярные разрушительные торнадо чего стоят. Трудовая сознательность у ковбоя выше? Тоже сомни-

тельно. Ведь ковбой ни в пионерах, ни в марксистской партии никогда не состоял. Откуда тут взяться сознательности. Значит, дело в чем-то другом. В чем? Если найти правильный ответ на этот вопрос, станет понятным главное – почему наше сельское хозяйство давно и с каждым годом все больше отстает от американского. Дело тут не в пастухе и ковбое как таковых. Их я выбрал для сравнения двух диаметрально противоположных социальных типов, хозяйствующих на земле. Итак, чем же наш пастух хуже ковбоя?

Дай человеку в *собственность* клочок пустыни, и он превратит его в цветущий сад. Дай ему в *пользование* цветущий сад, и он превратит его в пустыню. Этот афоризм был широко распространен в России до 1917 г. среди тех, кто искали пути решения крестьянского вопроса. Вся история советского сельского хозяйства подтверждает справедливость такой оценки. В России, как это отмечал еще Н. Карамзин, крестьянин никогда не был собственником земли, то есть никогда не был хозяином своей судьбы. Он не прошел высшей школы, университета на звание собственника земли ни при царях, ни при генеральных секретарях. Отсюда его личная и общественная ущербность.

Пастух пасет не *свое* стадо, на не *своей* земле. Отсюда и его безобразное отношение и к стаду, и к пастбищу. В этом менее всего виноват он сам, его личные качества. Он *наемный работник*, то есть человек, у которого оборонительная философия сводится к тому, чтобы поменьше напрягаться на работе и побольше получить от того, кто его нанимает. Глупо, смешно требовать, чтобы наш российский пастух думал о структуре стада, его здоровье, об окультуривании пастбища... Никто от него этого и не требует. Мозг, инициатива пастуха отключены начисто. Он – робот с программой для выполнения простейших операций. Но поскольку он все равно остается не роботом, а человеком, то его мозг продолжает работать, и эта отстраненность от процесса труда незаметно даже для него самого начинает его угнетать при виде вопиющих ошибок в хозяйствовании, которые ни сам он не в силах исправить, ни заставить кого-то их исправить. Вот это бессилие порождает апатию, духовно, нравственно разлагает человека. Наш пастух по сути “вохровец” при стаде. Где уж тут ждать духовности, когда вся окружающая его среда прививает ему отвращение к труду.

Иное дело – ковбой. На нем лежат все те заботы, от которых избавлен наш пастух. И если он с ними не справляется, ему в лучшем случае грозит банкротство, в худшем – тюрьма за неоплаченные долги. Вот он и работает так, как не может трудиться самый лучший батрак. Правда, и живет при этом ковбой так, что не только какой-то там пастух, но ни один помещик (то есть председатель колхоза, директор совхоза) представить себе даже в мечтах не может.

О неэффективности наемного труда в сельском хозяйстве говорил еще Л. Толстой. В “Анне Карениной” прогрессивный помещик Левин, остановившийся в хозяйстве одного крестьянина, наблюдал, насколько разумнее, чем у него, организованы все работы. Почему? Да потому, объясняет ему хозяин, что вся семья у него работает “на себя”. Поэтому ни сил не жалеют, да и смекалка у каждого действует не формально.

Уже в наше время Хрущев был потрясен увиденным, побывав в США на ферме, но не заметил, правда, главного: наемный труд тут сведен до минимума. Фермер работает “на себя”, а не на анонимное государство. Но Хрущев, как и все окружавшие его наши специалисты, разглядели только чудесные машины, не поняв философии тех, кто на них работают.

Американские ученые подсчитали, что доля наемного труда в сельском хозяйстве не превышает 8%. Как правило, это сезонные рабочие, привлекаемые при сборе фруктов, овощей, а также чернорабочие на операциях, не требующих квалификации. В европейских странах к земле тоже не особенно допускают людей пришлых. И в этом есть свой бытовой резон: ведь за руль “Мерседеса” вряд ли допустят случайного человека. А ущерб от разбитой неумехой машины – копейки по сравнению с загубленным участком земли. Для восстановления гумусного слоя нужны не десятилетия, но и целое столетие, если только его восстанавливать. Такое бережное, трепетное отношение к земле и тем, кто на ней работают, изначально противопоказано и большевикам, и нынешним необольшевикам.

Пастух от ковбоя отличается не только отношением к труду. Наемный работник думает только о выполнении кое-как какой-то одной порученной ему операции. Конечный результат ему неведом, да и безразличен. Тем более что ему платят не от конечного продукта, а за часы, проведенные на работе. Здесь действует логика конвейера, где работник становится бездумным придатком машины. “Винтиком”, по Сталину, или *частичным работником*, по Марксу. В промышленности конвейер экономически оправдал себя с лихвой. Но тот же конвейер в ателье мод уже дает сбой (вспомним известную миниатюру А. Райкина). Люди предпочитают продукцию от В. Зайцева или П. Кардена, труд которых изначально отрицает конвейер и построен на том, чтобы *угодить* капризам заказчика, даже если они выпускают серийную продукцию.

Читатель вправе заметить: при чем здесь все это? Пастух, да и ковбой вряд ли пользуются услугами таких кутюрье. Но ведь речь-то идет не о них, а об эффективности *частичного* труда работника в сельском хозяйстве. Оказывается, и здесь он не менее, если не более, разрушителен, чем и в упомянутом случае.

Вот наш пастух пригнал стадо на ферму и, как говорится, с глаз долой, из сердца вон. Будет ли скот напоен – не его забота, пусть об этом заботится скотник; будет ли вовремя подоен – об этом должна заботиться доярка; проверить, все ли в стаде здоровы – это тоже его не касается. И наконец, заключительный аккорд – выгодно продать результаты нелегкого труда животновода. Ну, тут о пастухе совсем не идет речь. О нем давным-давно забыли. Тем более он где-то за тридевять земель ютится в юрте-хижине.

И может быть, это и к лучшему. Если бы он посмотрел, как нагуленный им скот отпращивают на мясокомбинат, то наверняка прослезился бы при всей своей “вохровской” сущности. Все животных подряд, без разбора суют в одну машину, которая довозит их до железнодорожной станции, где опять же их всех подряд, без разбора суют в товарный вагон. Животные, как люди, переживают глубочайший стресс, не зная куда и зачем их везут. Надо ли говорить, что только от этого теряется значительная доля привеса. В результате обесценивается огромная масса человеческого труда.

Впрочем, описанные невзгоды пастуха, животновода мало чем отличаются от того, с чем сталкиваются и хлебороб, и овощевод, и садовод. Везде одно и то же: один пашет, другой – боронует, третий – вносит удобрения... Везде этот *частичный* труд, который никак не складывается в гармоничную единую пирамиду, везде труд, не замкнутый на конечный продукт. Потому даже при низкой продуктивности официально теряется более трети сельскохозяйственной продукции. На самом же деле гораздо больше.

Все это всем хорошо известно, и если я об этом напоминаю, то только для того, чтобы *обратить внимание не на экономические, а на психологические последствия, на духовное состояние крестьян*. Об этом говорить не принято, но ущерб, наносимый экономике этим, казалось бы, нематериальным фактором, можно смело сопоставить с ущербом от природной катастрофы. *Бездуховный, безнравственный человек в сельском хозяйстве – тот же луддит, в сердцах крушащий все вокруг, не отдавая себе отчета в том, что виноваты не вещи, а та преступная общественная система, которая воспроизводит такое отношение к труду*. Самый тяжелый труд – труд непродуцибельный, напрасный. Разве можно назвать производительным труд крестьянина, если под снег ушло все, что им выращивалось? А ведь это и нечто подобное – почти норма в наших условиях.

Напрасный труд отуплял, убивал человека еще страшней, чем на сталинских лесоповалах. И результаты такого труда нельзя оценивать только с экономической точки зрения. Такой труд бьет не только по карману, но и по сердцу, по душе. С этого *начинается духовное, нравственное разложение крестьян*. И болезнь эта не лечится врачами. А тот, кому положено заниматься ею, с больной головы валит на здоровую. Обвиняют крестьян в том, что много пьют, воруют все, что плохо лежит. Тот же наш пастух, попав в условия ковбоя, показывает не меньшую, если не большую сноровку. К примеру, Хрущев после визита в США отправил на выучку к принимавшему его фермеру двух наших механизаторов. Там они так работали, что их отпускать не хотели...

И еще одно важное отличие нашего пастуха от ковбоя: *его абсолютная правовая незащищенность*. У него прямо или косвенно могут забрать не только все или почти все,

что он произвел своим тяжелым трудом, но и просто прогнать с земли, которую он, его отцы, деды, прадеды обрабатывали. И речь здесь отнюдь не только о произволе советских времен. Земля, ставшая товаром, особенно если речь идет об участках, способных дать перепродающим их огромный доход, регулярно порождает конфликтные ситуации, когда власти в союзе с новым бизнесом отнимает ее у тех, кто ее обрабатывают.

Вот лишь один пример. “Новая газета” (10 января 2009 г.) подробно описывает планы создания очередной великой стройки века – строительство Эвенкийской ГЭС. Если удастся их реализовать, то будет затоплено около 1 млн га уникальных лиственничных лесов, 6 населенных пунктов, в том числе столица Эвенкии – Тура, промысловые угодья, оленьи пастбища, священные обрядовые места, родовые захоронения. Более того, произойдет деградация вечной мерзлоты с непредсказуемыми последствиями. Естественно, что местное население и ученые-экологи выступают против очередного варварства. Но кто их слышит и услышит? Ведь им противостоят мощные административные и экономические организации. И самое главное: правда формально на стороне не жителей, а их противников. Земля-то государственная, и государство вправе решать проблемы так, как ему выгодно, удобно. Так было, так есть. Правовой нигилизм, о котором говорит наш президент Д. Медведев, торжествует в своей крайней форме.

Но и в данном случае меня интересует не экономическая и не инженерная сторона дела. Все упомянутые и тысячи таких же не упомянутых здесь фактов имеют *огромное воспитательное значение*. Люди, живущие на земле, чувствуют себя, как на вокзале: сидят на чемоданах и ждут, когда им крикнут – “по вагонам”. Где уж тут думать о культурном, интенсивном земледелии. Постоялец не способен думать ни о ремонте, ни о комфорте своего места проживания. *Крестьяне превратились в кочевников, подавив в себе исторический инстинкт хлеборобов.*

Как известно, Маркс в одной “клеточке” – товаре разглядел все противоречия, присущие капиталистической формации. Через судьбу нашего условного пастуха тоже можно рассмотреть многие недостатки, разрушающие не только сельское хозяйство, но и всю страну в целом. Причем, как видим, не только экономически, но и духовно, нравственно. “Черная дыра” лишает общество жизненных сил. И ни экономисты, ни аграрные ученые не способны ее устранить традиционным способом.

Надо срочно менять всю стратегию развития страны. А для этого нужны нетрадиционные решения.

Нужна “зеленая революция”

Но что значит для нас нетрадиционный подход к решению крестьянского, аграрного вопроса? Веками его пытались решать “сверху”, то есть без участия самих крестьян и, как правило, вопреки их интересам. Поэтому каждый раз коса находила на камень, и страна погружалась постепенно в болото отсталости и стихийного бунта против несправедливости. Большевики уничтожили городскую и сельскую буржуазию, но избавили ли они трудящихся от эксплуатации? Считалось, что – да. Но еще Маркс в экономико-философских рукописях 1844 г. говорил об опасности превращения всех трудящихся в наемных рабочих у государства, становящегося *совокупным капиталистом*. Поскольку крестьянство, рассеянное по хуторам и селам, оказалось самой незащищенной, самой неорганизованной социальной группой, оно и стало легкой добычей большевиков, принесенной в жертву их сумасбродным идеям. Экономически и политически крестьянство было уничтожено за годы советской власти, а общество превратилось в “хромую утку”, не способную двигаться в современном темпе развития. Сегодня мы пожинаем плоды деятельности того “совокупного капиталиста-помещика”, на которого мы работали все советские годы. Он же препятствует тому, чтобы ликвидировать злосчастную “черную дыру”. Устранить же ее способна только “зеленая революция”.

”Зеленая революция” успешно осуществлена во многих цивилизованных странах после Второй мировой войны, не задев, к сожалению, Советского Союза. В отличие от классических революций, она протекает бескровно, ибо целью своей ставит не пе-

редел собственности, а ее всемерное увеличение у тех, кто ею располагают, за счет широкого использования научных и интеллектуальных возможностей. С большим запозданием России, если она хочет выжить, предстоит осуществить прорыв в этой области. И начинать ее, на мой взгляд, надо не с безрассудного, как прежде, вколачивания денег в сомнительные проекты, а с “собирания” своих заброшенных богатых земельных угодий. В частности, необходимо:

- ввести погектарный налог на бюджеты тех административных единиц, где выведены из оборота земли сельскохозяйственного назначения. Эта мера так же справедлива, как штраф с водителя взятой на прокат машины, но вернувшего ее неисправной. Этот налог должен оставаться по месту его уплаты, а полученные деньги направить в специальный фонд и расходовать целевым назначением на реабилитацию угодий;

- ввести отчисления от окладов местных депутатов и местных министров в упомянутый фонд. Что так же справедливо, как и наказание гаишников за попустительство нарушителям эксплуатации машин. Такая мера, помимо фискального смысла, привела бы к тому, что ускорила бы оформление беспризорных угодий;

- ввести гарантированные государством закупочные цены на главные сельскохозяйственные продукты, ниже которых свободный перекупщик не сможет взять у крестьян продукт их труда. Причем гарантированные цены должны быть ориентированы на мировой уровень. Как это происходит с нефтью, газом. А продовольствие – не менее важный энергоресурс, искусственно оцененный по бросовым ценам в угоду спекулянтам;

- на конкурсной основе бесплатно наделить землей тех, кто хочет и способен на ней работать, в объеме, обеспечивающем нормальную ее эксплуатацию. Тот жалкий земельный пай, который власти бросили крестьянам при разгроме колхозов/совхозов, напоминает басню “Лисица и журавль”. На такой земле можно выращивать только бурьян, что и происходит. Но бесплатный земельный надел не должен стать объектом спекуляции. Такую землю можно передать только по наследству или опять же бесплатно тому, кто докажет свою способность грамотно на ней работать;

- реанимировать не только потребкооперацию, но и все другие ее виды, включая прокат, ремонт машин, обеспечение семенным элитным материалом. Без дополнительных государственных вложений только за счет платных услуг нынешним “беспризорникам” можно резко увеличить выход продукции с крестьянских подворий;

- вкладывать деньги не в землю и скот, а в того человека-хозяина, который доказал свою жизнеспособность. В первую очередь в тех, кто деньги тратили на расширение производства. В соответствии с этими приоритетами пересмотреть систему налогообложения производителей сельскохозяйственной продукции;

- использовать аграрную науку, чтобы рос деловой уровень крестьянства;

- разворачивать малый бизнес прежде всего в сфере переработки сельскохозяйственного сырья на месте. Тем самым повысится не только экономический эффект, но и наладится отток горожан на село.

Все перечисленные здесь меры по возрождению села очевидны всем, кто живет интересами сельского хозяйства. Но спасти село могут не бюджетные дотации, а современные технологии и люди, заинтересованные в их применении. Ни того, ни другого пока в России нет. Нет и понимания у властей, что выход из глобального кризиса нашей экономики надо искать в первую очередь в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.* Новое средневековье. М., 1991.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1989.
Зиновьев А. Смута // Наш современник. 1993. № 4.
Ильин И. О грядущей России. М., 1959.
Лацис О. Что с нами было, что с нами будет. М., 1995.
Наше Отечество. В 2 т. М., 1991.